

**вопросы
русской
литературы**

ВЫПУСК 2 (22)

**РЕСПУБЛИКАНСКИЙ МЕЖВЕДОМСТВЕННЫЙ
НАУЧНЫЙ СБОРНИК**

**ВОПРОСЫ
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

ВЫПУСК 2(22)

**ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ВИЩА ШКОЛА»
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ЛЬВОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
Л ь в о в — 1973**

Содержание

ИСТОРИЯ КРИТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

В. А. Мосенцев. У истоков многонационального единства (к проблеме генезиса марксистской критики в России)	3
О. П. Гуля. А. В. Луначарский и Ромен Роллан в годы первой мировой войны (из истории ранней марксистской критики)	11
В. И. Воробченко. Воробский о Гоголе	16

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Е. В. Логиновская. М. Ю. Лермонтов в румынской критике и литературоведении	21
Н. М. Бажан. Оценка русской литературы в эпистолярном наследии Коцюбинского (Горький, Андреев, Бунин)	32
И. В. Шкляревская. Гладков и украинская литература	37

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Н. Ф. Матвейчук. Образ Василия Буслаева в творческих замыслах М. Горького	42
---	----

СТИЛИСТИКА

Л. Б. Волошина. О содержательности противительной интонации в прозе Л. Толстого, Достоевского, Чехова, Горького	49
О. П. Пресняков. Об особенностях выражения позиции автора в стилистике Льва Толстого	54

СТИХОВЕДЕНИЕ

Ю. В. Стенник. Одическая строфа Ломоносова	60
--	----

ЖАНРОЛОГИЯ

Е. Г. Сухомлин. Жанровое своеобразие памфлетов А. И. Герцена	68
А. Т. Васильковский. О принципах и критериях типологии жанров русской советской поэмы 20-х годов	74
А. В. Кулагина. Об эпическом и лирическом в народной балладе	82
С. Д. Абрамович. Вопросы историзма в романе В. Я. Брюсова «Огненный ангел» к 100-летию со дня рождения писателя	88

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО ПИСАТЕЛЯ

Л. И. Зверева. Комедия А. Н. Толстого «Ракета» (идейно-художественное своеобразие)	95
Г. И. Пономарев. Традиции Л. Н. Толстого в творчестве А. Фадеева (на материале романа «Разгром»)	101

ПУБЛИКАЦИИ

Е. Н. Кононко. Примечания на сочинения Державина	107
--	-----

ВОСПОМИНАНИЯ

А. Л. Гришунин. Он между нами жил... (к 95-летию со дня рождения Николая Кирьяковича Пиксанова)	117
---	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

М. Ф. Гетманец. Учение о партийности литературы в освещении вузовских учебников	123
Б. М. Сивоволов. Книга об А. С. Макаренко — литературном критике.	127
И. И. Игнатов. Жизнь русской литературы на Западе	136
И. Г. Панченко. Первая книга о Юрии Олеше	131

Примечания на сочинения Державина

В Рукописном отделе Центральной научной библиотеки УССР хранится целый ряд подлинных державинских рукописей — письма, автобиографические материалы, списки од и трагедий с многочисленными пометками автора. Часть их недавно была опубликована¹, другие ждут своей очереди.

Среди неопубликованных державинских материалов особый интерес представляют «Примечания». Эта рукопись входит в состав фонда Евгения Болховитинова, киевского митрополита, человека большой эрудиции, историка и филолога. На протяжении многих лет он был другом Державина и почитателем его таланта, а в некоторых случаях — наставником и помощником: поэт нередко советовался с ним, обращался за различными справками, особенно там, где дело касалось античной литературы, древних языков и т. п. Поэтому вполне естественно, что именно Болховитинову доверил Державин свои «Примечания», написанные горячо и откровенно. В них, как в зеркале, отражается образ автора и поэта, вельможи, человека властного и прямого, неукротимого в пристрастиях и антипатиях, в своем утопическом стремлении установить справедливость в самодержавно-крепостнической России XVIII века.

«Примечания на сочинения Державина» представляют рукопись, написанную под диктовку — в старости поэт мало писал своею рукой. Однако «Примечания» хранят на себе следы тщательной правки, многочисленные пометки, приписки, сделанные Державиным, Болховитиновым, а иногда и другими лицами, читавшими рукопись (например, Д. И. Хвостовым).

Следует заметить, что даже неопубликованные они были достаточно известны в кругу писателей начала XIX в., на них ссылались, о них спорили. Так, Хвостов с негодованием утверждал, что это кладовая, в которой собраны «все возможные хулы на царей, вельмож и современников»². Евгений Болховитинов называл их «драгоценнейшим сокровищем для русской литературы»³. П. А. Вяземский в статье-некрологе 1816 г. отмечал: «Державин написал пояснения на два первых тома, они хранятся в руках мужа почтенного, знающего им цену (Болховитинова.— Е. К.). Можно надеяться, что сей ревнитель русской словесности, которая обязана ему многими полезными трудами, современем употребит с пользою драгоценность, доверенную ему Державиным»⁴.

Предсказания Вяземского не сбылись — «драгоценность» так и осталась под спудом. Болховитинов в 1805 г., получив от Державина «Примечания», писал, что «теперь еще и на свет показать их нельзя, ибо много живых витязей его намеков»⁵. В письме к Державину этого же времени он просит прислать примечания к следующим томам, заверяя при этом, что «к славе Вашего имени я наилучшее сделаю употребление из сей доверенности, а притом все важное будет под печатью тайны до своего времени».

Первая попытка снять «печать тайны» с «Примечаний» Державина принадлежит Н. Ф. Остолопову, который некоторое время служил под начальством Державина

¹ «Русская литература», 1972, № 3, с. 74—85.

² «Сочинения Державина». Объяснительные примечания Я. К. Грога, т. IX. СПб., 1883, с. 259.

³ Там же, т. VI, 1871, с. 408.

⁴ П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. I. СПб., 1878, с. 18.

⁵ «Сочинения Державина», т. VI, с. 408.

и пользовался его благосклонностью: в 1822 г. он издает «Ключ к сочинениям Державина с кратким описанием жизни сего знаменитого поэта», в предисловии к которому заверяет читателей, что «успел под руководством самого поэта» собрать самые достоверные сведения на большую и лучшую часть его сочинений. Действительно, Остолопов воспользовался «Примечаниями», однако то, что было издано им, по мнению Болховитинова, Анастасевича и других, знавших эту рукопись, представляло ее в совершенно искаженном виде⁶. Иного было трудно ожидать: Остолопов жаловался, что «многих статей ему не позволил министр просвещения (кн. Голицын) печатать»⁷.

Летом 1809 г. в Званке Державин снова диктует племяннице Е. Н. Львовой, а потом С. В. Капнисту, воспитывавшемуся у него в доме, новые объяснения к своим сочинениям, более краткие и «благоразумные». В 1834 г. муж Е. Н. Львовой Ф. П. Львов «решился напечатать их», но, «повинуясь требованиям своего времени», как выражается Я. К. Грот, «еще сократил и пригладил их»⁸.

В 1866 г. акад. Грот в третьем томе академического издания «Сочинений Державина» публикует «Объяснения» по подлинной рукописи, так как «с той поры успело смениться не одно поколение, и теперь нет уже причин издавать комментарий Державина с какими-либо умолчаниями или изменениями»⁹.

А в 1868 г., когда издавался шестой том, в руки к издателю попадают и «Примечания» Державина, списанные с подлинной рукописи Евгения Болховитинова библиографом и переводчиком В. Г. Анастасевичем.

Копия была снята В. Г. Анастасевичем в 1816 г. с целью публикации «Примечаний» в «Трудах Казанского общества любителей словесности», однако сделать это он не решился, «рассудив, что многое еще рано издавать в свет»¹⁰.

После смерти Анастасевича его тетрадь с «Примечаниями» досталась А. Д. Ивановскому, младшему библиотекарю Публичной библиотеки, впоследствии профессору Петербургской римско-католической духовной академии. Позже он передал эту тетрадь Гроту.

Однако и в 1871 и в 1883 гг., когда выходит последний, девятый том «Сочинений Державина», акад. Грот не решается на публикацию, хотя, казалось бы, прошло много времени и, следовательно, почти не осталось поводов для «умолчаний» или «изменений». Он ссылается на то, что многое уже опубликовано в третьем томе, в «Объяснениях», и ограничивается тем, что помещает в девятом томе, в дополнение к своим примечаниям, некоторые короткие заметки из «Примечаний» Державина, обещая сообщить читателям «все сколько-нибудь интересные сведения» из рукописи Анастасевича¹¹. Обещание это не было выполнено: внимательное сличение подлинной державинской рукописи с опубликованными материалами доказывает, что Я. К. Грот не слишком заботился о том, чтобы дополнить ранее известные сведения о поэте. Скорее всего, выражаясь словами В. А. Запалова, он тоже принял участие в «процессе» насильственного посмертного превращения Державина в махрового реакционера и безоговорочного поклонника Екатерины II, Павла I, Александра I¹². Очевидно, даже через восемь десятков лет «Примечания Державина» показались благонамеренному академику слишком резкими, а публикация их — делом рискованным.

Что же представляют собою «Примечания»? Совершенно очевидно, что их содержание не соответствует скромному названию: их вполне можно рассматривать, как самостоятельное произведение Державина, один из образцов его прозы. «Примечания» написаны очень неровно, иногда в них неточно и с пристрастием изображаются и оцениваются события, что дает основания П. И. Бартеневу говорить о «крайней небрежности» державинского слога. Однако нам представляется, что в этой небрежности и есть своеобразие державинского языка, его живая непосредственность, близость к народным истокам.

⁶ «Сочинения Державина», т. VI, с. 172.

⁷ Там же, с. 279.

⁸ Там же, с. 282.

⁹ Там же, т. IX, с. 391.

¹⁰ Там же, т. VI, с. 408.

¹¹ Там же, т. IX, с. 279.

¹² В. А. Запалов. Поэзия Державина 70—90-х годов. Автореферат канд. дисс., с. 5.

Как известно, сам Державин придавал своим «Объяснениям» и «Примечаниям» очень большое значение. В письме к А. Ф. Мерзлякову он пишет: «Будучи поэт по вдохновению, я должен был говорить правду; политик или царедворец по служению моему при дворе, я принужден был закрывать истину инописанием и намеками, из чего само по себе вышло, что в некоторых моих произведениях и поныне многие, что читают, того не понимают совершенно... Все примечатели и разбиратели моей жизни без особых замечаний, оставленных мною на случай смерти моей, будут судить невпопад»¹³.

Итак, в «Примечаниях» Державин раскрывает ту правду, резкую, суровую, которую он при жизни вынужден был маскировать от глаз своих современников, выполняя этим, хотя бы посмертно, свой долг поэта, глашатая истины. Поэтому-то, вероятно, иногда его «Примечания» так сбивчивы и взволнованны — ему, как справедливо замечает Я. К. Грот по поводу «Записок Державина», «хотелось оправдаться перед потомством»¹⁴. Однако «Записки» касались преимущественно государственной службы Державина, его деятельности как сенатора и министра. В «Примечаниях» мы видим Державина-поэта, замыслы его произведений и их судьбу, литературную жизнь того времени и т. п. Кроме того, они представляют собой яркий, выразительный документ эпохи в целом; картины жизни и нравов екатерининских вельмож, их самодурство и алчность; наконец, саму Екатерину II, по отношению к которой Державин испытывает очень сложные чувства: он восхищается «величием ее дел», старается выделиться из толпы «придворной черни», стать к ней ближе — и испытывает чувство горького разочарования, досады, оттого что она не та, какой представлялась ему в первые годы ее царствования, что она «переменила уже свои мысли в рассуждении свободы разуму»¹⁵.

Еще более сложно отношение поэта к Павлу I. Как верноподданный и вельможа, он принуждает себя говорить о нем с должным почтением, но в «Примечаниях» прорывается подчас не только осуждение, но и возмущение сумасбродными, деспотичными поступками царя. Так, в примечании к оде «На освящение каменно-островского инвалидного дома» Державин, вместо прославления Павла I, совершенно недвусмысленно подчеркивает, что «через Суворова многия были в Италии одержаны победы», а в примечаниях к оде «Мужество» и в самой оде поэт изображает Павла I жалким, слабсвольным и трусливым:

Вожди без духа — страха жертвы
И суть рабы своих рабов¹⁶.

Основное внимание в «Примечаниях» уделено литературе: перед нами мелькают имена поэтов, предшественников и современников Державина — Ломоносова, Хераскова, Карамзина, Львова, Капниста, Радищева. Державин преклоняется перед авторитетами древних поэтов, охотно переводит Горация, Анакреона, но всегда старается подчеркнуть своеобразие всей поэзии. В примечании к своей оде «Памятник» он пишет, что она — верное подражание, и ее можно бы «назвать переводом, ежели б автор на место римских не поместил российских стран и народов и не вывел своих обстоятельств вместо горациевых, как то: первой он в забавном слогe воспел Фелицу, в простоте сердечной бога и в шутках говорил царям правду. А в последнем куплете дал всем почувствовать свое неуважение, которые его не любят». Эта ода, по мнению Державина, «может быть потомству памятником дел, обычаев и нравов его времени»¹⁷. Поэт постоянно старается подчеркнуть, что его творчество — результат жизненных наблюдений, что он всегда стремится приблизить свою поэзию к «натуре». И если он пишет оду «Соловей», то в «Примечаниях» уточняет: «Желая сколь можно изобразить соловья, сего славного певца природы имел в своем кабинете»¹⁸. Державин гордится тем, что в его одах «изображается натура не только в картинах, и в ее колоритах»¹⁹.

¹³ «Сочинения Державина», т. I, с. 652.

¹⁴ Там же, т. VI, с. 409.

¹⁵ Рукописный отдел ЦНБ УССР, 706/496 с., л. 30.

¹⁶ «Сочинения Державина», т. II, с. 495.

¹⁷ Рукописный отдел ЦНБ УССР, 706/496 с., л. 56—57.

¹⁸ Там же, л. 54.

¹⁹ Там же, л. 34.

И все это богатство мыслей и чувств поэта не было включено ни в одно из его изданий, если не считать отрывочных, часто искаженных «объяснений», «примечаний», которые «с оглядкой» выпускали в свет Н. Остолопов, Ф. Львов, Я. Грот. Поэтому нам представляется целесообразным опубликовать «Примечания Державина» в подлинной его рукописи. В приложении к нашему обзору дается текст первой части «Примечаний».

Вторая часть «Примечаний» завершается одою «Лебедь» (1805 г.), где поэт с гордостью и даже некоторым злорадством по отношению к своим чиновным «неприятелям» заявляет о том, что «не останется, как прочие вельможи, тлеть между кавалерскими звездами в гробе, он будет бессмертен памятью как поэзии, в которой он говорил языком сердца, так и по правилам третейского суда, которые он поднес императору, веселясь, что он доставит тем некогда благо своему отечеству»²⁰. И в этих словах раскрывается сложность и противоречивость облика Державина, сочетающего в себе честолюбие чиновника, вельможи, с великолепным, своеобразным талантом и чувствами поэта, предшественника Пушкина.

На этом «Примечания» обрываются. Далее идет несколько страниц, где рукою Болховитинова даются краткие заметки к следующим томам сочинений Державина и последние его стихи — «Река времен в своем теченье...».

* * *

1. Все его известные сочинения писаны автором во время его службы с 1777 по 1805 год между дел, по случаям в праздное время, когда что удавалось. (Отчего иные оды, хотя и небольшие, но, быв начаты, некончены были и чрез несколько лет были окончены, а другие остались и совсем незаконченными; а потому он и не сможет выдавать их за таковые творения, которые бы были совершенно мастерския)¹.

2. Предисловие писано им в бытность его статс-секретарем при императорице Екатерине второй в 1793 году, при котором он поднес их сей государыне в 1795 году по поводу тому, что она несколько раз изъявляла свое желание, чтоб он писал более и, так сказать, прашивала его; но как он был в тогдашнее время многими обстоятельствами огорчаем, то и не имел духа произвесть чего-либо нового, а особливо во вкусе Фелицы, как ей хотелось, а для того, переписав набело, что покойною его женою собрано только было из разных лоскутков и, украсив виныетами, представил ея величеству; но с тех пор по самую ея кончину лежали у нея в кабинете еще неизвестными, по причине, которая объяснится ниже сего; а по смерти уже ея во время императора Павла I бывшим московским куратором оберкамергером Иваном Ивановичем Шуваловым (без ведения автора переданы)² по усиленной им просьбе напечатаны в типографии Московскаго университета по спискам, какия только у него по получении в разныя времена находились; а подлинныя и по сие время не напечатаны, которыя однако ж в бытность автора при дворе во время Павла I, отыскав между бумагами князь Платона Александровича Зубова, получил он обратно и теперь у него находятся. При напечатании были от цензуры затруднения, которыя объясняются в принадлежащем им месте, хотя впрочем они все были уже напечатаны в журналах разных годов. В сем «Предисловии» между прочим просит сочинитель от своей покровительницы защиты, сказав, что она была уже ему от клевет спасенъ; потому что было много на него гонений по службе, которыя здесь описывать было бы не у места, а также и для того, что как есть в творениях его места весьма смелыя, которыя предполагал он, что неприятелями толковаться будут в худую сторону, то и предупреждал он сим предисловием их толки, а равно и присовокупленною при нем выпискою из Тацита. При всем том не избежал однако он вредных для него наущений, что также в своем месте покажется.

Багрим Мурза, родоначальник автора, выехавший из Золотой Орды в службу

²⁰ Рукописный отдел ЦНБ УССР, 706/496 с., л. 78.

¹ Зачеркнуто в рукописи. В тексте публикации скобками будут выделяться с соответствующими объяснениями слова, зачеркнутые или дописанные позднее, а также будут обозначены пропуски тех примечаний, которые уже были опубликованы Я. К. Гротом в академическом издании «Сочинений Державина».

² Зачеркнуто.

великого князя Василия Иоанновича Темного, от коего произошли: Нарские, Акинфиевы, Кеглевы и Державины, из коих он был последний в роде.

3. Ода «Бог». Первую мысль на сочинение сей оды получил автор в 1780 году, будучи во дворце в светлое воскресенье у всенощны. Но обдумывая и принимаясь писать несколько раз, не мог, будучи рассеян в городе, положить чувствований своих на бумагу, а для того в 1784 году, а в том году и напечатана, собравшись с духом, сказав покойной жене своей, что поехал в польския деревни, остановился в Нарве, нанял небольшой покойчик, уединился в оной на несколько дней и, будучи ничем другим не занят, написал сию оду. Примечания достойно, что во время сочинения оной воображение столь было разгорячено, что, спав в одну ночь, увидел чрезвычайной свет, которой и по открытии глаз блистал, казалось, по комнате. Слезы лились тысячь ручьями. Тогда, встав, написал он последний куплет. Он думает, что таковыми сочинениями с успехом заниматься можно не в шуме мирском, пресекающем восторги, но в подобном уединении, ибо после того, бывши всегда в людстве, не удалось уже ему произвестъ такого сочинения.

4. На освещение Каменноостровского инвалиднаго дома. (Сия ода сочинена)³. Сей псалом сочинен в 1778 году в честь императора Павла Петровича, когда ещё он был великим князем, и супруги его государыни Марии Федоровны. Куплеты 7-й и 8-й изображают их характеры и по оным ожидаемые от них деяния, которыя после и совершились как то: через Суворова многия были в Италии одержаны победы, а государынею императрицею Мариею Федор. многия учреждены благотворныя институты, а также и 9-й куплет сбылся рождением Константина Павловича и прочих принцев и принцесс.

5. Властителям и судиям. Сей 81-й псалом царя Давыда переложен был в 1787 году в стихи и напечатан в периодическом издании под названием: «Зеркало Света». Когда поднесены были, как уже сказано, все сочинения автором покойной императрице, тогда, прочитав оныя, отдала, неизвестно по каким причинам и для чего, князю Безбородке, а сей г-ну Трощинскому. Несколько недель не слышно было никакого от них известия, примечалось только, что императрица была к автору суха и неблагоприятна, а г-да придворныя все от него отбегали, как от чумы. Не знал он тому причины и удивлялся, что вместо ожидаемаго им благоволения за сочинения видит такуюю для себя неприятную перемену. Спрашивал помянутого князя, но он отделялся от него всегда торопливыми и ничего не значущими словами. Между тем случилось ему быть в один воскресный день у графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, куда также приехал и Яков Иванович Булгаков, а как он несколько с ним был дружен, то, шедши за стол, спросил он его, что за причина таким его дерзким сочинениям, которыя поднесены им императрице, а особливо псалма 81-го, который ничего другого не означает, как сущаго якобинства. Хотя автор объяснял ему противное, но он остался при своем мнении, сказав: смотри, чтоб не было тебе худа. Поелику ж тогда французская революция во всей ея была силе и сколько известно, что императрица переменяла уже свои мысли в разсуждении свободы разуму, то и легко было автору представить, что таковой толк или внушение императрице сделано было вельможами, его недоброжелателями, у коих на разсмотрении сочинения его находились. А притом, как в тот же вечер хороший его приятель и стихотворец Иван Иванович Дмитриев, приехав, сказал ему слышанное им по городу, что будто спросить его велено было в тайной, то он и заключил, что это было не пустая молва и не шутка, в каковых случаях не должно было терять духа, и что решительная одна смелость в них бывает спасение; а для того тот же час сев, написал анекдот (который в прозаических сочинениях в 6-й части видеть можно), служащий ответом, и в ту ж минуту послал его при письмах князю Безбородке, г-ну Трощинскому и по утру на другой день отвез таковой же князю Платону Александровичу Зубову. В наступившее воскресенье, когда императрица при выходе своем по обыкновению своему допускала всех придворных к руке, то, увидев автора, улыбнувшись, подала ему (милостиво руку)⁴ оную; все придворныя переменяли лица свои (на благоприятныя)⁵ и таким образом про-

³ Зачеркнуто.

⁴ Зачеркнуто Державиным.

⁵ Зачеркнуто Державиным.

шел сей неприятный случай. Сочинении однакоже, как выше сказано, год целый были на просмотрении у князя Зубова, оставшись по самую смерть ея в публику неизданными.

6. **Величество божие**, псалом 103. Он преложен автором в стихи по случаю тому, что покойным Мих. Вас. Ломоносовым оставлен он неконченным, то хотел в нём испытать свои силы.

7. **Праведный судия**, псалом 100. Преложен в стихи по случаю вступления автора по статской службе в важныя должности, которым он думал предписать себе правила.

8. **Истинное щастие**, псалом 1-й. Преложен в стихи по поводу токмо тому, что все почти русския стихотворцы его перелагали.

9. **Победителю**. Сей 90-й псалом переложен в стихи вскоре по взятии Очакова в честь князю Григорью Александр. Потемкину и отослан к нему (из Москвы)⁶ в 1788 году от неизвестного автора, которого он и после не знал.

10. **Помощь божия**. Псалом 120. Преложен в стихи в собственное утешение автора в бытность его в Москве в 1788 году по случаю гонения его всем министерством в уважение несправедливых представлений генерал-губернатора Гудовича, по коим велено взять от его в 6-м департаменте Сената ответ, и он явился правым.

11. **Уповающему на свою силу**. Псалом 146-й⁷.

12. **Щастливое семейство**. Псалом 147-й. Преложен в стихи по случаю уважения и приязни к семейству Алексея Андреевича Ржевскаго, которое жена автора изобразила на картине силуетами, а он написал назади онаго своею рукою сии стихи и подарил в знак приязни. Но, по нещастию однако после, по случаю рассмотрения в Совестном суде делу Ивана Ивановича Дмитриева с Всеволодским, так поссорились, что остались навсегда неприятелями, где Алексей Андреевич был совестным судьей и, будучи убеждён другими своими приятелями, поступил против всякаго авторскаго чаяния не токмо на несправедливое решение, но и на жалобу государыне императрице, что будто автор пренебрег ея учреждение, почему и взято дело на собственное ея рассмотрение, которое до смерти ея однако осталось нерассмотренным. При Павле же I отдано в архив, а при императоре Александре, когда был автор министром юстиции, то противник Дмитриева г-н Всеволодской, тревожим будучи совестию, без всякаго побуждения помирился с Дмитриевым и удовлетворил его претензии.

13. **Успокоенное неверие**⁸.

14. **Фелица**. Ода сия написана в 1781 году, а напечатана в первой раз в «Собеседнике» в 1782 году под надписью: «Премудрой киргизкайсацкой царевне Фелице, писанная некоторым татарским мурзою, издавна в Москве поселившимся, а живущим по делам своим в С-П[етер]бурге», переведена якобы с арабскаго языка. Сочинению сей оды поводом была напечатанная тогда сказка, сочиненная императрицею Екатериною II под названием Царевича Хлора. В ней Фелица представлена путеводительницею Хлора к добродетели, но здесь в переносном смысле автор разумел под именем ея премудрость, а под именем Хлора рассудок, образующие благоденствие народов⁹.

По сочинении оной автор показал её друзьям своим Николаю Александровичу Львову, Василью Васильевичу Капнисту и Ивану Ивановичу Хемницеру, которая, хотя были ею довольны, но однако же не советовали выдавать её в свет, опасаясь, чтоб некоторыя вельможи не приняли чего на свой счёт и не зделались бы ему врагами, что он и исполнил, спрятав в своё бюро, где она целый год никому неизвестной сохранялась. Но в сказанном 1782 году, занимая дом вместе на Литейной

⁶ Зачеркнуто Державиным.

⁷ Опубликовано — «Сочинения Державина», т. IX, с. 237.

⁸ Там же, с. 233.

⁹ Приписки на полях: Сия ода была причиною Сепаратного указа, посланнаго в Тамбов, которым содержащихся там колодников в оскорбление величества запрещено было отправлять в тайную, а велено было дело производить обыкновенным порядком уголовных дел. 2-я приписка: Сие сочинение было также причиною, что императрица в том журнале, называемом «Собеседник», где оно помещено, сама трудилась, присылая для внесения в оной... (приписка не закончена и зачеркнута Державиным).

у Петра Васильевича Неклюдова с Осипом Петровичем Козодавлевым, служа тогда в экспедиции о государственных доходах, случилась ему надобность пойтить в свое бюро для сыскания одной бумаги в присутствии Козодавлева, которой, увидев сие сочинение, прочел и неотступно просьюбою, под клтвой никому посторонним не показывать выпросил прочсть тетке своей Анне Осиповне Пушкиной, любившей поэзию, а особливо сочинении автора. Он по приязни к нему не мог в том отказать и в вечеру того же дня получил обратно, но через несколько дней против всякаго чаяния услышал, что ода сия открыто читана в доме Ивана Ивановича Шувалова в присутствии обедавшего у него всего министерства. Сей, призвав его к себе, в великом смятии сказал ему: «Как нам быть и что делать? Оду Вашу требует к себе князь Григорий Александрович Потёмкин, то отсылать ли её к нему так, как она есть, или выкинуть некоторыя места, кои его образуют?». Автор удивился, спросил его, как он про неё знает? Он отвечал, что у него она есть. «От кого?» — спросил автор. Тогда признался он, что получил от Козодавлева под великим секретом, но по случаю за столом разговора о поэзии и что нет ещё у нас такой легкой, каковою славится Франция, любя автора, не мог вытерпеть, чтобы к чести его пред ними не прочтеть сие первое такого рода на русском языке творение. Они-де его чрезвычайно хвалили, но при всём том он опасается, чтоб князь Потемкин на него не разсердился. Автор спросил: кто ж Потёмкину сказывал? Андрей Петрович Шувалов, он говорил, как человек придворной, видно хотел тем подслужиться. Автор отвечал, ежели сочинение сие уже известно было, то когда вы его не пошлете или что-нибудь из него выкинете, князь в самом деле может почесть, что оно нащот его написано. Но как оно не что иное есть, как общее изображение страстей человеческих, писанное безо всякаго намерения, то он подписывает на нём своё имя и просит отослать к требователю. Огзавшись таким образом, хотя показал вид бодрости, однако ж беспокоился, чтоб столь сильной человек, каков Потёмкин, не отнес в худую сторону и не зделал бы каковых неприятных внушений Императрице. Открыл он сие произшествие как другу своему Николаю Александровичу Львову, который был вхож и короток бывшему тогда ещё графом Александру Андреевичу Безбородке и просил его разведать, как он думает о сем сочинении и, естли можно, предварил бы о нем с лучшей сколько возможно стороны государыню, дабы не понесть ея гневу, ибо Безбородкс был в помянутой компании. Львов будто не нарочно, прочитывая наизусть некоторыя стихи, вызывал тем графа на объяснение его мыслей, которой хотя отозвался также с похвалою, но говорил ли что императрице — неизвестно, а кажется по обстоятельствам, что не вошел он в сие дело, ибо скоро после того, когда открылась Российская академия и княгиня Дашкова, будучи тогда при дворе в уважении, зделана директором оной, а Козодавлев советником академии, то он показал сию пиесу сей княгине. Она ей понравилась, а предприяв издавать тогда периодическое издание под названием «Собеседника», приказала, не сказав никому ни слова, напечатать оную на первом месте и поднесла на апробацию государыне. Это было поутру в воскресенье, когда она обыкновенно прихаживала с своими докладами. В понедельник рано поутру императрица её к себе призывает и, быв вся расплакана, спрашивает: кто этот сочинитель, которой написал «Фелицу» и которой так меня тонко знает? Она сказала имя автора. Государыня приказала объявить ему своё благоволение и прислала в подарок табакерку с бриллиантами, в которой положено было 500 червонных. И сей подарок учинён был следующим образом весьма деликатно: в один день во время обеденное, когда автор всегда почти бывал у начальника своего князя Вяземскаго, сказывают ему, что почталлон принес письма. Он выходит, отдают ему большой сверток бумаги с надписью: из Оренбурга, от царевны киргизкайсацкой Державину. Он принимает, открывает печать и видит в свертке драгоценность, удивляется, не знает, что подумать, идёт к начальнику, показывает и спрашивает его, принимать ли присланной из Оренбурга подарок. Тот сперва грозно на него взглядывает, но, увидя табакерку последней французской работы, переменяет вид в благоприятной и говорит: вижу, братец, хорошо, для чего такой подарок не принять, спрашивая притом с видом некоторого неудовольствия: за что бы это? Автор сказывает, что он не знает, а разве не за сочинение ли его, которое княгиня Дашкова сама собой напечатала в «Собеседнике». Тогда он должен был показать то сочинение, его читает уединенно

с многими перешоптами. И с тех пор автор почувствовал тайное неблагорасположение к себе сего начальника, ибо всегда с насмешками, привязками принимал от него бумаги, представляемые ему по должности, так что выводил его из терпения, отчего он и принужден был напоследок взять отставку. И сие гонение не представляло по самую князя кончину, приключившуюся в 1792 году. Между тем императрица разослала министрам своим по экземпляру, которых она думала видеть образ в сем сочинении. И чрез сие сделался автор у всех замечателен и по всей империи известным, вследствие чего множество было присланных к нему похвальных стихов, из коих некогорыя в том же «Собеседнике» напечатаны. Когда же автор должен был по обычаю благодарить императрицу за оказанную ему милость подарком, то во время представления его она, остановясь, несколько минут с ного до головы осмотрела его с особливым пронизательным взором, так что было это не токмо ему, но и многим приметно¹⁰. При всем том сие сочинение было первою причиною гонения от князя Вяземского и прочих. Должно однако признаться, что в нём сущее заключается изображение как характера, так и упражнений императрицы и многих ея бояр окружающих, кто только их коротко знал, тот сам в каждой строке найдет их подобие¹¹.

15. Благодарность Фелице. Сия ода сама по себе показывает, что она есть следствие благодарности автора за оказанную ему от императрицы милость вышеобъявленным подарком. Впрочем автор думает, что не первая ли она в российской поэзии, где изображается натура не токмо в картинах, и в колоритах; изображено как то белой ковыль подобно льну пушистому колеблется в степях и волнуется как море; небо в жаркой день блещет подобно янтарю, выются попутным ветром флаги и за кораблём протягается серебряная гряда и тому подобное. Что же касается до того изречения, где автор говсрит: когда от бремя дел случится свободной час иметь, тогда он будет воспевать свою героиню. Сие относится единственно к тому, что князь Вяземской почитал неспособными и ленивыми заниматься своею должностию тех, которые упражнялись в поэзии, в чем даже от него и императрица предубеждена была, ибо она хотя любила авторство, но не писала и не могла писать стихов, а потому-то автор, служа в статской службе, и употребил все свои усилия к доказательству, что несправедливо такое заключение, ибо, имея истинныя способности, может в том и другом предуспеть, есть ли кто только захочет пожертвовать сим трудом. И напротив, кажется голова поэта более удобна к избретению каких-либо новых постановлений, что и доказано автором на самом деле.

16. На отсутствие ея величества в Белоруссию. Ода сия сочинена на отсутствие императрицы Екатерины II в белорусския губернии по случаю открытия в С-Петербургской наместничества, а по учреждению в 1780 году и представлена государыне через князя Вяземского; но как он не любил стихотворства, то она никакого внимания не заслужила, но по кончине императрицы цена её почувствована. Никто не мог её без пролития слёз читать, её вспоминая, что счастье народа с солнцем его укатилось. В 4-м куплете описан здесь барельеф, бывший изображённым в гипсе на камине большого зала общаго правительствующаго Сената собрания. Он пред-

¹⁰ Дальше опубликовано — «Сочинения Державина», т. IX, с. 235.

¹¹ Приписано на полях тем же почерком, с правкой Державина: В противоположение снисходительнаго обращения Екатерины II представлен в 19-м куплете образ обхождения вельможами в царствование государыни Анны Иоанновны, когда за то, что кто уронит рубль нечаянно на пол, на котором ея портрет, или в титуле ея ошибку зделает, или за здравие ея большого пакала вина не выпьет, брали в тайную и изтязали пытками, не с намерением ли каким то зделано. А с лучшими боярами придворныя шуты ея делали разныя проказы и дурачества и некоторыя князья в то время, когда из церкви возвращалась государыня в внутренние комнаты, должны были представлять наседок и клохтать для смеху, что будто сидят на яйцах. Известная дурацкая свадьба князя Галицына, для которой нарочно состроен был ледяной дворец, все службы и баня, стоили великих сумм и празднована торжественно.

Лентяг и брюзга именуется в сказе Хлора, под коими, сколько известно, императрица разумела 1-го, хотя с великими талантами человека, князя Потемкина, а второго, что за неумеренныя расходы управляющаго государственною казною брюзгал князя Вяземского; прочия вельможи описаны по их склонностям. Словом, сия ода изображение нравов и характера императрицы и ближайших ея вельмож, так что история может с них списывать без всякой ошибки портреты.

ставлял, что Минерва в подобии императрицы вводит в храм правосудия Истину, Человеколюбие и Совесть, на коих основано учреждение о управлении губерний сей императрицы. Изображён он был Николаем Александровичем Львовым, а исполнен скульптурной работой г-на Рашета, о котором пространное описание в прозаических сочинениях автора находится. При возшествии на престол императора Павла неизвестно по каким причинам, по собственному ли своему разсуждению или по повелению императора, генерал-прокурор князь Куракин велел его выломать.

17. На приобретение Крыма — по плану, представленному тогда бывшим иностранных дел министром Александром Андреевичем Безбородком, по мысли князя Потёмкина в 1784 году, который и занят нашими войсками без всякого кровопролития.

Императрица в уме своем твердо предположила выгнать из Европы турок и сделать греческим царём Константина Павловича, для чего и имя сие при крещении дано и научен он греческому языку, но бог при жизни ея не совершил сего замысла.

18. Видение Мурзы. Писано 1783 года мая 9-го дня по случаю тому, что хотя императрице весьма понравилась «К Фелице» ода, однако она скрывала от придворных и притворялась, что будто похвалы ей, в оной написанныя, к ней не относятся, дабы чрез то не относили к себе и вельможи тонкой в сей пиесе на их критики, для чего под рукою вышезначенной и подарок сделала и с важным взором приняла автора, когда он был к ней представлен, то он будто, сим не довольствуясь и жалуюсь в пенях ее, сделал ей тончайшую похвалу тем самым, что будто запрещает она себя хвалить, сказав, что дар поэзии не должен быть обращён к тленной похвале и самих монархов. Впрочем картина видения сего взята с портрета императрицы, писанного для графа Безбородки г-м Левицким по изобретению Николая Александровича Львова. Теремами янтарными и сребророзовыми светлицами названы внутренния покои императрицы, бывшия в Царском Селе, из коих одна была комната янтарная, другая по розовой фольге украшена серебром, третья по синему стеклу золотою бронзою, четвертая арабеск с перламутровым полом. Улусы, обитающие кочующих орд. Досканцы, так назывались маленькия ящики или табакерочки старинныя. Наконец, как помянутая ода «К Фелице» произвела разныя толки — иния говорили, что чрезвычайно ласкательно, то автор и повторил здесь 19-й и прочия куплеты той оды, образованныя в насмешку критикам, как то: «арбуз» и «солёныя огурцы» характеризуют князя Потёмкина, которой при избаловании его императрицею был такой причудливой и прихотливой вельможа, что в одну минуту желал кофею, то кислых шей, то фиников, то кислой капусты, то арбуза, то солёных огурцов, так что, командуя армию, нарочно посылал курьеров верст тысячи за две и более за клюквою, за костянкой и проч. Но сколько известно, так причудничал он единственно для того, что исполняемы были безпрепятственно все его желаниа, то ему и хотелось, чтоб чего-нибудь, но только б дожидаться; следовательно, жизнь его состояла только из одного желаниа, а не наслаждения, ибо ничем не был доволен. Вот каков бывает человек в щастии с самыми изящными дарованиями!

19. К Каллиопе. Писана 1792 года в октябре по случаю прибытия в Петербург государыни великой княгини Елизаветы Алексеевны для брачного торжества с государем великим князем Александром Павловичем. В 3-м куплете личное изображение невесты, а в 5-м жениха, которыя уподоблены Аполлону и Диане. Окончание 17-го куплета и последующия два относятся к рождению сего принца, описанного в 3-й части под названием порфирородного отрока. В 20-м куплете и в последующем пророчествует автор, что из Российско-императорского дому некоторыя принцы и принцессы к занятию престола других народов¹², как потом частью и збылось, что Александра Павловна и Елена Павловна сосватаны братом с владетельными особами, а Константину Павловичу предлагаем был польский престол. Но что будет впредь, покажет время.

20. На шведской мир. Ода сия написана в 1792 году по случаю прибытия из Царскаго Села императрицы в Петербург для торжествования мира с королём шведским. И как война сия сим потентатом объявлена была России нечаянно, то

¹² Приписка на полях рукою Евгения: «Нет глагола «предназначены».

последний куплет и относится к тому, что причиною в оной пролития крови не была государыня.

21. **На взятие Измаила.** Ода сия написана по случаю приезда графа Валериана Александровича Зубова с известием о взятии Измаила в ... году¹³, которому автор слово дал воспеть сей случай, что и исполнил. Она принята была императрицею и всеми очень хорошо, вследствие чего и получил сочинитель в подарок табакерку с бриллиантами. Но при всем том по тайной ли какой интриге или по зависти г-н Эмин, бывший прежде экзекутором при авторе, когда он был Олонецким губернатором, будучи вхож к Платону Александровичу Зубову, бывшему тогда любимцем императрицы, разными пересудами критиковал оную¹⁴. Впрочем, стих «то будет ныне или впредь» взят из пророчества Иезекииля глава 39-я, стих 1, 2 и 3 и глава 38, стих 2-й и 15-й.

(Окончание в следующем выпуске)

Публикацию и комментарии подготовила
Е. Н. КОНОНКО.

---

¹³ Пропуск в тексте.

¹⁴ Дальше опубликовано — «Сочинения Державина», т. IX, с. 241.

*Кафедра русской литературы
Киевского университета*